

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ГОЛОС СМОЛЕНЩИНЫ

В знаменательный для Смоленска день, 25 сентября, свой юбилей отмечает легендарный диктор Смоленского радио Анна Ращенкова. 45 лет у микрофона, сотни передач «Музыкальной почты», которая собирала по субботам невиданную аудиторию.

У каждого человека свое лицо, свой характер — двух одинаковых трудно найти. Не найти и одинаковых голосов. В каждом человеке скрыт определенный талант. У Анны Ращенковой он раскрылся благодаря голосу, его тембру, задушевной манере вести передачи, умению эмоционально подавать новости. Удивительно, но с годами голос не изменился. Звоню Анне Илларионовне в канун юбилея, чтобы договориться о встрече, и слышу всё тот же молодой голос, который помню с начала 80-х годов теперь уже прошлого столетия, когда я начала работать в редакции областных известий Смоленского областного радио. Корреспонденты этого отдела, пожалуй, больше других знали о работе диктора: каждый день мы готовили им 10-минутный выпуск утренних новостей и 20-минутный — вечерних, который шел в прямом эфире. И если выпускающие новостей менялись, то дикторы в студии оставались неизменными: Анна Ращенкова и Михаил Лобанов. Вместе они работали почти три десятка лет. Их голоса знала вся Смоленщина. При этом смоляне ничего не знали о жизни ведущих дикторов. Готовясь к встрече, я тоже не смогла найти никаких биографических материалов.

— Анна Илларионовна, помните, Вы приехали в Смоленск из Средней Азии... Что Вас сюда привело?

— Скорее, надо говорить о том, как я оказалась в Средней Азии. Я — коренная смолянка. Родилась в деревне Купелище. Тогда это был Каспьянский район. Село было большое, с церковью, больницей. Когда мне было два года, семья переехала в Смоленск, построили дом в Сортировке, в котором летом я до сих пор живу. Потом война. Отец ушел на фронт, а мы с мамой на время оккупации Смоленска уехали в Купелище, к бабушке. Столько времени прошло, но детские воспоминания хранят образы партизан, которых было много в Каспьянских лесах, страшный эпизод, когда мою маму едва не застрелили каратели — бабушка, раскинув руки, защитила ее. После войны вернулись в Сортировку, я пошла учиться в 24 железнодорожную школу.

Нам, послевоенным ребятишкам из рабочих семей, очень повезло. В школе подобрался прекрасный педагогический коллектив из учителей, эвакуированных из Ленинграда, других крупных городов Советского Союза. Это были высокообразованные, интеллигентные люди, занимались не только нашим образованием, но и культурой. Очень благодарна прекрасному педагогу Любови Алексеевне Раевской, разносторонне одаренному педагогу, мама была у нее известной пианисткой. В школе работали различные кружки: драматический, музыкальный, художественный. Я стала заниматься в драматическом и, естественно, в мечтах видела себя знаменитой актрисой, хотела поступать во ВГИК. Но в последний момент почувствовала какую-то неуверенность в себе. Да и маму не хотелось одну оставлять. Поступила в смоленский педагогический институт на филологический факультет. От детской мечты не отказалась — в студенческие годы

занималась в театральной студии, играла Золушку, Зою Космодемьянскую, декламировала стихи.

А по окончании пединститута получила распределение в Среднюю Азию — в Туркмению, преподавать русский язык. Надо ли говорить, как я не хотела туда уезжать, за тридевять земель, от своих родных и близких! Но именно в Ашхабаде исполнилась моя детская мечта — я стала посещать студию при русском драматическом театре. Вышла замуж за выпускника местного университета, родила сына. Но по Смоленску, по маме скучала невероятно. Приехала в отпуск на родину и тут...

Узнала, что на областном радио проводится дикторский конкурс. 27 сентября 1963 года пришла на пробы, а 1 октября уже была принята на работу.

Радиовещательная студия располагалась тогда в здании бывшего Дворянского Соборания, на улице Глинки. Занимали мы правое крыло на первом этаже знаменитого дома, где располагался тогда медицинский институт, позже и до настоящего времени в этом здании размещается областная филармония, концертный зал имени Михаила Глинки. Топили печи дровами, помню, осиновые поленья повсюду валялись. Другая студия и все сотрудники располагались в двухэтажном доме-бараке на улице Энгельса, но уже новый 1964 год мы встречали в Доме радио, который по специальному проекту был построен на дамбе, по улице Нахимова, дом 1. Это была пешеходная улица, трамваи и машины стали ходить по ней позже, когда дамбу укрепили и расширили. Вокруг шла большая стройка, но в студии нового Дома радио никакой шум с улицы не проникал. Великолепная акустика была в концертной студии, где пол был устлан мягкими персидскими коврами, стоял рояль, можно было записать даже симфонический концерт. Была и вторая студия, попроще, мы называли ее разговорной. Вещательная студия по-прежнему находилась на улице Глинки, куда дважды в день приезжали дикторы. На утренний эфир (вставала я в 4 часа утра) порой приходилось добираться из Сортировки пешком — городской транспорт еще не начинал ходить.

— Мужские голоса менялись в эфире, женский голос оставался неизменным — это был Ваш голос...

— Да, как-то так сложилось, что женский голос было сложнее найти. Я работала с прекрасным диктором Женей Новиковым. Это был недолгий период, он потом уехал в Архангельск и получил самый лестный отзыв от «золотого голоса Советского Союза» — Юрия Левитана. Порой казалось, что у микрофона Юрий Левитан, а не Женя — он иногда разыгрывал коллег, начитывая из студии: «Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза...».

— Вы, Анна Илларионовна, тоже как-то начали областной эфир словами: «Говорит Москва!».

— Было такое. «Говорит Москва» произнести проще, чем «говорит Смоленск» — здесь сразу три согласные буквы подряд идут. Но я после своего «ляпа» сделала паузу — дескать, Москва не отключилась — и продолжила уже, как ни в чем

не бывало, со знакомого и привычного Смоленска.

— За проколы во время радиовещания руководство вызывало вас на ковер?

— У нас, конечно, бывали маленькие накладки. Начальство было разным, но, в основном, понимало, любой человек может оговориться. В эфире мы за это извинялись. Если говорить о цензуре, то она была не только в высоких кабинетах, в обллите, но и у дикторов в голове. Мы знали, что можно говорить.

Порой казусы случались: дежурный диктор записывал на первый попавшийся под руку листок прогноз погоды, чтобы читать его в новостях в прямом эфире, переворачивал его и выдавал не тот прогноз, а записанный на обороте неделей, а то и месяцем раньше. В утреннем блоке это «прокатывало»: радиослушатели еще не совсем проснулись...

— Возвращаясь к единственному женскому голосу, а как же отпуск, болезнь?

— Мужской голос в этих случаях «переходил» к актеру драматического театра. Меня же длительное время замещала редактор областных известий Галина Федоровна Ковнова, необыкновенно интересный человек, профессионал-эрудит, обладавшая прекрасным тембром голоса. Когда она ушла на заслуженный отдых, появился еще один женский голос — Ольга Коржовой (Тихоновой). Тогда мне легче стало работать, ведь я еще вела свою, как теперь говорят, авторскую, программу «Музыкальная почта». Начинаясь она как небольшой концерт по заявкам, росла и ширилась, звучала по субботам в эфире почти четыре часа в неделю.

— Насколько я помню, «благонадежность» тех, для кого исполняли песню, проверялась там, где они работали, — не дай Бог, прогульщика или пьяного товарища поздравят «на всю область»...

— Такое правило ввел Анатолий Николаевич Новиков, председатель радиокомитета в 80-х годах. Его супруга была врачом, и он накануне записи «Музыкальной почты» относил ей «на цензуру» список медиков, которых поздравляли в профессиональный праздник. Как-то поздравила жену одного из наших сотрудников по его просьбе. Нашлись доброжелатели, которые позвонили Новикову, сообщили, что «не тот» она человек: не ходит голосовать на избирательный участок. Получила от председателя радиокомитета выговор, премии он меня тоже лишил.

— Да, тогда было время тотального контроля и некоего самодурства «руководящих товарищей».

— Ольгу Коржову, Вы помните, Анатолий Николаевич уволил за то, что она неправильно прочитала фамилию крупного советского деятеля. При Владимире Мещерякове, который возглавил радиокомитет после Новикова, таких молниеносных и непредсказуемых решений уже не было. Помню, когда моя программа уже стала коммерческой, пришла смолянка, которая хотела поздравить своего диктора, а денег нет. Владимир Сергеевич достал из своего знаменитого портфеля деньги и отдал ей — ну не мог

он распорядиться, чтобы бесплатно исполнили ее заявку: порядок должен быть одинаков для всех.

— Анна Илларионовна, за 45 лет Вы стали свидетелем и участником многих событий. Что запомнилось Вам наиболее ярко?

— Конечно, встречи с людьми. Кто только не побывал у нас в студии: известные певцы, космонавты, Герои Советского Союза, Герои Социалистического труда! Приезжал к нам Юрий Левитан. Прекрасно помню торжественность момента, наше волнение, когда в День Победы 1985 года мы с Михаилом Лобановым читали Указ о присвоении Смоленску звания города-героя. Мы ведь не только несли информацию, мы пропускали ее через свое сердце, хранили в памяти, знали всё, что происходит на Смоленщине.

— Где Вы учились культуре слова, культуре общения с радиослушателями?

— Советская система подготовки кадров была великолепна! У нас была возможность посещать интересные семинары, мы уезжали на трехмесячные курсы повышения квалификации в Москву. Знакомилась с работой дикторов центрального радио, учились у них. Для нас была разработана обширнейшая культурная программа с посещением театров, музеев, с интересными поездками по столице нашей Родины. Это незабываемое время, незабываемые встречи с Юрием Левитаном, Ольгой Высоцкой, Верой Соколовской. Моим преподавателем была диктор Всесоюзного радио Людмила Михайловна Кайгородова. Это славная плеяда талантливых людей, которые по крупицам создавали нашу профессию, учили, как должен вести себя человек у микрофона, какими нор-

мами русского языка владеть. Мы не могли говорить у микрофона, как Бог на душу положит, как зачастую случается сегодня у телеведущих — дикторами их язык не поворачивается назвать. Конечно, дикторы нашего времени должны были быть людьми высокообразованными, обладать актерскими способностями, артистизмом, ораторским мастерством. Наверное, сегодня мало кто знает, что диктор Михаил Лобанов, с которым мы проработали у микрофона три десятка лет, мог научиться прочитать поэму Александра Твардовского «Василий Теркин». Это было прекрасное исполнение. Сам он писал стихи, обладал своеобразным чувством юмора. Я много интересных людей могла бы назвать, которые работали со мной в радиокомитете.

— Для Вас трагедией был уход из радиокомитета?

— Умом я понимала, что пора. Но вот душа, сердце... Шла домой с последнего эфира, слезы душили. На следующий день, это была суббота, поняла, что не надо больше куда спешить, боясь опоздать на эфир. И жизнь потихоньку вошла в свою колею. О ранних подъемах забыто, размеренная жизнь за городом. Много читаю, журналы, газеты. Телевизор практически не смотрю, привлекает лишь один канал — «Усадьба». Заслуженный отдых, которому я очень рада!

— Анна Илларионовна, примите искренние поздравления с юбилеем от редакции газеты «Смоленские новости», где работают Ваши бывшие коллеги. Мы помним Вас и очень любим. Здоровья Вам, счастья и благополучия!

Подготовила Татьяна ШАТЫРКИНА